

A stylized, high-contrast illustration of a landscape. The scene is dominated by a sunset or sunrise, with a bright orange and yellow glow on the horizon. The sky is filled with dark, swirling patterns, suggesting clouds or smoke. In the foreground, there are several tall, dark evergreen trees on the right side. The ground is depicted with dark, textured shapes, possibly representing rocks or dense foliage. The overall style is graphic and somewhat abstract, with a focus on color and form over fine detail.

Галина Горячева

ВРЕМЯ ГОРБАТЫХ
ЕЛЕЙ

16+

Галина Владимировна Горячева

Время горбатых елей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55305452

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга написана в жанре современная проза. Это рассказ о том, как происходили перемены в нашей стране в 90-92 годах. Как самые простые люди относились к этим переменам и как они влияли на их жизнь. В книге две сюжетные линии. Одна рассказывает о том, как молодой москвич в поисках любимой девушки попадает в далекий северный поселок, где его жизнь из неопределенной и скучной в Москве превращается в интересную и наполненную смыслом в этом поселке. Героиня второй сюжетной линии наоборот из этого поселка уезжает в Москву в качестве невесты, но ожидаемого счастья не находит. События оригинальные. Книга имеет продолжение.

Галина Горячева

Время горбатых елей

Все события и персонажи этой книги являются вымышленными

Глава 1

Вокзал был переполнен. Народу, как всегда, много. Люди сновали взад и вперед с самыми обычными будничными лицами. Его внимание привлекла стая девчонок в ярких куртках. Виталий сидел в углу зала, на деревянной скамье, какие бывают только в вокзалах, и думал, глядя на девчонок: «Как им хорошо. Как весело. Надолго ли?»

Ему казалось, что его радость уже вся прошла. Вся до последней капельки. И уже нет поводов радоваться. Сравнялся третий десяток и ни семьи, ни дома, ни работы. Ему вдруг показалось, что он как витязь на распутье думает, куда пойти. Налево или направо. А может прямо. Ответа нет.

Ссора со старшей сестрой, которая отчасти заменила ему мать, была злой, со слезами, с разорванным сердцем. Сестра упрекала его за непокорный нрав, который стал причиной увольнения с работы, за неустроенность жизни, в которой он сам был виноват. За беспокойство, которое он приносил ей, уже не молодой и не совсем здоровой женщине.

Жил он у сестры в трехкомнатной квартире, в которой

кроме нее были еще ее муж и сын. Сын уже вырос и тоже желал иметь свой уголок, свою территорию в этой квартире, в этой жизни, в которой жить становилось все труднее. Он понимал искреннее участие и беспокойство сестры за его судьбу. Он видел ее любовь к нему, и эта любовь так жгла его сердце. Ему было жаль сестру, а помочь он ничем не мог. В ее судьбе было мало радости и счастья.

Муж, как ему казалось, был не достоин Марины, а теперь вот и повзрослевший сын тоже не подавал особых надежд на изменения к лучшему. А тут еще он, брат, как сорина в глазу. И в квартире лишний и за столом. Квартира эта принадлежала их умершим родителям. А на что менять? На две клетки с санузлом? Ему такой клетки и хватило бы. А ей с ее семьей? Да и его бесконечные приключения и проблемы уже всем надоели. А больше всего ему самому. Он жалел сестру и не мог больше видеть ее беспокойство и страх в ее глазах. Ее немой укор был для него невыносим. Он не мог сказать ей, что его опять уволили. Написал записку и ушел из дома. На вокзале оказался случайно. Там он сел в угол и не знал, что дальше. Мимо ходили люди. Что-то объявляли в громкоговоритель, что-то покупали у киосков, говорили между собой. Немое кино. Все эти люди ожидали поездов. И только он не знал, что он тут делает. Временами ему казалось, что его нет, что все это просто сон, и был совершенно равнодушен к тому, что случится в этом сне.

Из оцепенения его вывело неожиданно появившееся в по-

ле зрения лицо. Просто промелькнуло один раз, и он вроде бы слегка очнулся, как после наркоза, когда ты еще не знаешь, жив ты еще или уже нет. Но вот лицо появилось снова. Все его существо как бы подтянулось, как бы сосредоточилось и сфокусировалось. Сознание Виталия ухватилось за это видение, как утопающий за соломинку. Это было лицо молодой девушки. Что же его так встряхнуло? Он еще не понял. Понял только одно, то, что он хочет видеть это лицо. Что ему надо его видеть. Девушка не представляла из себя ничего особенного. Стройна, белокура, белолица, светлоглаза. Таких у нас пруд пруди. Одета она была в самую распространенную одежду. Темно-синие джинсы, малиновая куртка, светло-малиновый берет. Из-под этого маленького фетрового берета по плечам рассыпались веселые кудряшки. Густая вздыбленная челка с претензией нависла над наивными, почти детскими глазами. Глаза медленно осматривали зал.

Незнакомка кого-то искала и не находила. Вот ее глаза еще раз пошли по кругу и вдруг наткнулись на взгляд Виталия, словно загнулись. Резко и часто захлопали ресницы и опустились вниз. Не увидев там ничего интересного, девушка стала снова осматривать зал. И снова увидела его. Он опять смотрел в упор. Желая утолить свое любопытство, с деланным равнодушием, она прошла взглядом по его лицу и, засмущавшись, отвела глаза. А через пару секунд увидела ту, которую искала. Сразу заулыбалась и помахала рукой своей приятельнице. Та в ответ делала ей какие-то зна-

ки. Она опять заулыбалась, замахала рукой и тут же забыла и свое любопытство, и смущение, и причину этого смущения.

Ее спутницей была такая же молодая женщина или девушка, как и она. Из динамика донеслось по всему вокзалу: «Поезд Москва-Красноярск отправляется с первого пути». Подруги снова заулыбались и, взяв в руки свою кладь, стали продвигаться к выходу из вокзала.

Много раз потом Виталий вспоминал эти минуты своей жизни. Каждый раз, пытаясь объяснить сам себе, что тогда с ним было. И каждый раз у него ничего не получалось. Любое объяснение казалось глупым, неточным и уж совсем неубедительным. И все же каждый раз он точно знал, что решение это было правильным, каким бы нелепым оно тогда не казалось. До конца жизни он был благодарен судьбе, что не позволила ему поступить иначе. Объявление об отправке поезда, на котором она собиралась уехать, заставило его шевелиться, думать, действовать. Что послужило толчком, было неважно. Может задорная челка, может застенчивые глаза, а может ее красный берет. В его сердце что-то случилось. Он понял, что не может ее отпустить. Не может потерять. Он соскочил со своего насиженного места и быстро направился в кассу покупать билет.

По пути он часто оглядывался и ловил взглядом ее, мелькавший в толпе, берет.

В кассе народу не было. К счастью и паспорт, и трудовая, и деньги, которые он получил под расчет, были при нем. Быст-

ро взяв билет, он рванул на перрон. В голове пульсировала только одна мысль. Где? Где она? Где моя «красная шапочка»? В том, что она его, он уже не сомневался.

Свободных мест в вагонах было много. Как только поезд тронулся, он перешел в тот вагон, где они с подругой уже уютно расположились. Они, уже раздетые и уже перекусившие, пили чай. Девушки тихо разговаривали, мешая ложечкой чай в стакане. Их беседа очень ему нравилась. Ему нравилось, как она говорила, то раздувая губы, то расширяя глаза, то наклоняясь к подруге, то откидываясь на спинку сиденья. Подруга ее слушала, полностью растворяясь во внимании и кивая головой. Она что-то тихо говорила в ответ, глядя прямо в глаза. И так ему это нравилось. И то, что они так понимают друг друга, и то, что их волнует какая-то одна общая тема, и то, лица у них такие простые, теплые, человеческие. Он сидел напротив, на боковом сидении соседнего плацкарта и радовался, что она – его «красная шапочка» так мила и хороша и, что у нее такая хорошая подруга. Эта подруга уже в мыслях была и его подругой тоже. Он уже видел себя только с ней. В мыслях они уже были вместе. Он уже не разделял себя и ее. Он – ее. А она – его. Это так просто и так ясно.

Он не спал всю ночь. Дремал вполглаза. Сторожил. Вот в соседнем купе началось шевеление, разговоры, сборы. Обе подруги вместе с другими пассажирами, заканчивавшими свое путешествие, продвигались к выходу. Он ждал.

Поезд остановился. Это была небольшая станция большого поселка «Кукушкино». Пассажиры медленно вываливались на перрон и начинали оглядывать свою кладь. Подруги тоже замешкались на какое-то время у поезда. Затем замаскировались руками и, переговариваясь, пошли навстречу румяному мужчине в высокой шапке и кожаной куртке. Тот, весело здороваясь, обнял подругу «красной шапочки» и поцеловал в щеку. Затем взял в руки часть баулов и быстрым шагом направился в сторону автостоянки. Виталий шел следом. Троица остановилась рядом с УАЗиком и стала грузить вещи в машину. Виталий с замиранием сердца следил за этой картиной. Думал только о том, как ему ее найти, если она сейчас уедет.

«Номер – вспомнил он. – Надо запомнить номер машины». Вот загорелись сигнальные огни, пассажиры уселись в машину, и она тронулась, увозя его нечаянную радость. Он стоял на уже пустом перроне и повторял про себя номер машины. Ему вдруг стало смешно. Он думал о себе как о постороннем человеке и представлял, как это выглядит со стороны.

«Вот стою на пустом перроне, на полустанке с дурацким названием «Кукушкино», не зная ни одного человека на расстоянии нескольких тысяч километров вокруг. Не имея ничего кроме паспорта и небольшой суммы денег». Он медленно в раздумье дошел до здания вокзала и снова остановился. Ему думалось, что правильнее обдумать все и принять

решение о дальнейших действиях. Еще не поздно вернуться назад. Постояв пару минут, он понял, что не вернется. Понял, что в душе у него сейчас куда лучше, чем сутки назад, когда он сидел в холодном вокзале с замороженной душой. Теперь его душа жила. Теперь она знала, кто сумеет прогнать его безразличие к этой жизни. Бодрым шагом он двинулся в вокзал. Подойдя к киоску с газетами, он сделал правильное лицо и приятным голосом обратился к сидящей там женщине. Он хотел узнать, не поможет ли она найти квартиру одинокому и порядочному мужчине.

– Квартир не знаю. А вот комнату – пожалуйста – рапортовала киоскерша, написав на листке адрес.

Комнату сдавала пенсионерка. Это была еще крепкая улыбчивая тетка, бывший бухгалтер местного колхоза. Она с радостью приняла Виталия, весело приговаривая:

– Ой, спасибо Леночке, что направила Вас ко мне. Ой, спасибо. Хоть к пенсии добавлю денежку. А то что комната пустая стоит, что мне от пустой-то толку. Вот и хорошо. А у меня домик хороший, теплый. Вам понравится. Располагайтесь. А я вечерять соберу.

Она весело бегала вокруг него, постоянно заглядывая в глаза и как бы спрашивая: – «Не передумал? Не отказываетесь?». И сама же глазами отвечала: – «Вот и славно». То ли от участия этой славной женщины, то ли от домашнего уюта, но на сердце полегчало, и его авантюра уже не казалась ему такой пустой и опасной.

На стол были собраны немудреные припасы: картошка жаренная кружочками в сале, соленые огурцы, квашенная белая капуста и крынка топленого молока. Еда показалась ему очень вкусной. С особым удовольствием он съел большущий кусок сытного хлеба с яблочным вареньем. Запивал топленным молоком. Спать было еще рано, а делать все равно нечего. Разговор завязался сам собой. Хозяйку звали Нина Ильинична. Была она вдовой. Ее взрослые дети жили в городе. К себе не звали, да она бы и не поехала. Жизнь в «Кукушкине» она хвалила, до тех пор, пока не началась перестройка. Узнав от нового жильца о том, что хочет он здесь пожить какое-то время и надо бы ему устроиться на работу, лишними вопросами не донимала, а решила рассказать о поселке, о его жителях и порядках, какие здесь водятся.

– Здесь у нас в поселке колхоз, «Красный Флот» называется. Все здесь колхозное, и земля, и дома, и фермы. Всё. По бумагам и теперь всё государственное – бодро начала хозяйка, но вдруг замолчала. Поглядев внимательней на Виталия, продолжила. – Последнее время, правда, государством уже и не пахнет. Живем, как при феодальном строе. При управляющем нашего колхоза, как при хане каком или князе. Он человек не плохой. И работает уже давно. Как эта перестройка началась, его как подменили. О людях совсем думать перестал. Только о личном благе забота. Больше ни о чем. Разве ж так можно. – Видно было, что сказала она не всё, но сдержалась. Отпив чай из разноцветной кружки, вдруг спроси-

ла: – А в Москве-то что происходит? Мы ж тут ничего не понимаем. Только то, что телевизор скажет и всё. А он – то одно, то другое. Понимай, как хочешь. Всё кричали про референдум о Союзе. Проголосовали. Объявили, что все желают оставить Союз. А сами развалили. Теперь СНГ. Если просто название сменили, так чего ж они все там передрались.

Виталий засмеялся.

– Теперь это отдельные государства, у всех свои границы. Вот и уточняют, где чьё. Новая жизнь не всегда сразу налаживается.

– Это правда – закивала хозяйка. – Пока шишки не набьешь, да ноги не сотрешь и не узнаешь, что лучше, да как правильнее. Начало – оно всегда сложно. Вот ведь когда социализм начинался, сколько дров наломали. Вот сейчас только все эти страсти стали показывать. А что их теперь показывать, когда все уж прошло. Думай теперь, правда это али нет. Наша-то жизнь в покое прошла. Я вот во время войны родилась. Войну конечно не помню. А потом-то все спокойно у нас в «Кукушкине» было. И не жаловался никто. Вот только теперь покой наш пропал. Больно уж круто завернули. Правильно ли это. Вот какие наши сомнения. В Москве то небось знают.

– Даже если и знают, то не говорят – посетовал гость. – Все по-разному думают, но все надеются, что это временно. Устаканится все и будет лучше.

Хозяйка еще долго рассказывала про местные порядки.

Про дружбу управляющего с начальником районной милиции. О фактах воровства и прочих нарушениях, которые теперь стали возможны в их поселке.

– Вот завтра пойдешь на работу устраиваться и сам увидишь. Ну, а что сразу не увидишь, так потом поймешь – закончила свой рассказ собеседница.

Глава 2

Центром поселка была дорога областного значения. По разные стороны дороги находились почта, два магазина, пекарня, столовая и клуб. Почти по середине всех этих объектов находилась железнодорожная станция с каменным, хорошо отштукатуренным и покрашенным зданием вокзала. На перроне имелись в наличии несколько киосков с различными товарами. Сразу за автомобильной дорогой начинался жилой сектор. Слева, на приличном отдалении от железной дороги, стояла старая деревушка, которая и дала название поселку. Справа и ближе находились каменные пятиэтажки. Их было не так уж много, но основная часть жителей была именно там. Самым низким зданием среди этих хрущевок было управление колхоза. Сложенное из белого кирпича, оно состояло только из двух этажей. На стене у двери висела вывеска. На ней было написано «Колхоз Красный Флот». Далее указывалась область и район. Дверь была новая, железная, снаружи покрыта деревом. Такая дверь была диковинкой в данной местности и напоминала о переменах,

происходящих в стране.

– Как у новых русских – говорили колхозники, следуя в контору.

– Такие двери теперь ставят при евроремонте – добавляли другие. Большинство из них никакого евроремонта никогда не видели, но головой все равно кивали.

Постояв минуту перед вывеской, Виталий вошел внутрь помещения. Там ничто не напоминало о новых веяниях в строительстве. Напротив, все было как при социализме. Никаких изменений. Стены выкрашены зеленой масляной краской. Двери с ручкой «скобка» имели когда-то белый цвет. Табличек на дверях не было. Виталий открыл первую из них и вошел. За столом сидел мужчина с черными усами и в шапке на голове. Увидев вошедшего, кивнул головой вместо приветствия. Мужчина молчал.

– Я в отдел кадров. Хочу поработать у вас – сообщил Виталий.

– Поработать – это хорошо. А отдела кадров у нас нет. Вам надо лично к Руслану Николаевичу обращаться. Он сам у нас на работу берет – помолчав немного, добавил – и не берет тоже сам. – Шутка показалась ему смешной и он крякнул пару раз, вероятно думая, что смеется. – Прямо по коридору. Дверь у окна – напутствовал он, закончив кряканье.

Руслан Николаевич утопал в цветах. На окнах, на столе, на стенах и даже на полу стояли горшки с комнатными цветами. Кроме них на столе стоял еще компьютер. Он был выключен.

чен и покрыт небольшим слоем пыли. По всему было видно, что на нем не работали. Вдоль стены стоял длинный ряд стульев с малиновой обивкой. В углу, давно забытый, но еще не выброшенный, стоял красный флаг с серпом и молотом. Хозяин кабинета восседал в новом офисном кресле. По всему было видно, что это любитель комфорта. Был он человеком высоким с узким сухим лицом. Красивые черные волосы и черные глаза придавали его облику солидность и привлекательность. Чувствовалось, что был он когда-то красив лицом, да много лет с тех пор прошло, и кроме намеков от красоты ничего не осталось.

– Тебе чего? – запросто спросил он Виталия.

– Да вот, поработать у вас хотел бы – сообщил посетитель.

– А ты чей? Что-то я не видел тебя раньше – Руслан Николаевич откинулся на спинку кресла, внимательно оглядывая гостя.

– Меня зовут Виталий. Я племянник Нины Ильиничны, бывшего вашего бухгалтера. Вот решил у нее пожить. Но ведь работать то где-то надо – бодро врал Виталий.

– А чего из города сбежал? – демонстрировал свою проницательность мужчина.

– Да я природу люблю. Городская суета надоела. Да и проблемы у меня там – уже более вяло продолжал гость.

– Про проблемы верю. Не с милицией случайно проблемы?

– Да нет, что Вы. С этим все в порядке – заверил Виталий.

– Ну-ну, это хорошо. А про природу девкам расскажешь – он вдруг замолчал и сидел, молча глядя в стол, явно что-то обдумывая. – А ты к тетке своей раньше часто ездил?

– Да нет. В детстве только. Да и то, так на выходные. Меня здесь и не знает никто – он помолчал и с грустью добавил – да и я никого.

– Да это не беда. Это даже хорошо. Незнакомого человека уважают больше – назидал директор. – Первое время во всяком случае. Ну, а дальше, как сам себя покажешь. Документы у тебя с собой?

– Конечно – Виталий подал заранее подготовленные документы. Директор с интересом, не спеша, обзрел все записи и снова замер, задумавшись. Он очнулся от дум и, как бы вспомнив, что он на рабочем месте, заговорил официальным голосом.

– Нам заведующий на ферму нужен. Бывший – уже пенсионер, да и пьющий сильно. Вот скажи мне, справишься или нет? – огорошил он парня.

Виталий имел характер независимый и прямой. Любил добиваться своего. Старался быть всегда справедливым и гордился этим. Не боялся высказать начальству свои соображения, а то и замечания. В коллективе был всегда любим. За копейку не держался. Мог под настроение хоть всю бригаду за свой счет в забегаловку пригласить. Просто так, без повода. По охоте. Однажды он истратил весь аванс на тюльпаны, чтобы поздравить понравившуюся девушку с восьмым мар-

та. А чтобы другим не было обидно, он подарил цветы в их смене всем. Он всегда считал себя независимым. Да и от чего он мог зависеть? Образование у него было только среднее, и карьера ему не грозила, а значит и за работу он не очень-то держался. «Работягам всегда место найдется» – философствовал он после очередного увольнения из-за конфликта с начальством. «Это без руководителя прожить можно. А ты пойди проживи без уборщицы или без кочегара. Не выйдет. От грязи не задохнешься, так от холода помрешь». Не любил Виталий и чиновников всех мастей. По его понятиям они вообще ничего не делали, а хитростью великой умудрялись должности себе выбить. Вот сидят теперь и от важности щеки раздувают, а сами от скуки зевают так, что скулы сводит. Не задумываясь особо, он часто путал слова – чиновник и интеллигент. По большому счету он понимал, что это не одно и то же, но разгадками лингвистических заморочек не увлекался, тем самым, не давая себе труда понять, что сам он и является обладателем всех тех качеств, которые присущи интеллигентам. Себя всегда он считал человеком простым. И это было правдой. Он спроста жалел соседских детей и давал в долг их матери, зная, что она никогда не отдаст. Или тащил незнакомой бабушке сетки и усаживал ее в автобус, сам опаздывая на работу. Это была простота человека, который не боится утрудить себя чем-то совершенно бескорыстно и при этом, нисколько не ценя своих усилий. Он считал себя честным и не позволял себе кривить душой даже в ма-

лом. Лукавить, уменьшать правду или прибавлять хоть чуть-чуть он не умел. Он был заядлым читателем и хорошо разбирался в технике. Прекрасно знал географию и пристально следил за политикой. Не был он равнодушен и к судьбе своего отечества. Хорошо зная историю, он всегда считал, что на долю русских выпадает слишком много испытаний.

И вот этому простому человеку, убежденному работяге предлагают стать заведующим. Пусть на ферме, пусть в далеком сибирском поселке, но ведь заведующим. «А это начальник. А что такое начальник? Это уже недалеко от слова чиновник» – в смятении думал Виталий. Он растерялся. А этого с ним не случилось почти никогда. Он был смущен и сбит с толку. Ему нужна была работа. Нужна срочно. С другой стороны, быть начальником – это для него новость и, пожалуй, плохая. Руслан Николаевич, видя растерянность парня, пришел ему на помощь.

– Ну, чего ступешался то? Голову не ломай. Пошли-ка я тебе ферму эту покажу. Там и порешаем – с этими словами он вышел из-за стола. Не давая парню открыть рот, крикнул в окно – Васька, заводи. На ферму надо.

Виталию ничего не оставалось, как следом за ним покинуть кабинет. Зеленый УАЗик летел по мокрой дороге вдоль берега реки. За окном темнел пробуждающийся лес. Трава уже всю зеленела. Он с интересом рассматривал пролетающие за окном пейзажи.

– Ну, вот и деревня – нарушил молчание директор.

Деревня была большая. Дома в основном старые, одноэтажные с наличниками и палисадниками. На краю деревни стояло несколько новостроек. Почти все они были каменными, некоторые двухэтажные. Среди них возвышался единственный трехэтажный дом с балконом. Его окружал каменный забор с коваными резными воротами. Это и был дом директора колхоза, как позднее узнал Виталий. Скоро машина вылетела за околицу. Отделенная от деревни большим полем, стояла ферма. Выглядела она убого и серо. Еще крепкое здание, как видно, не обременялось особой заботой со стороны хозяев. Стекла во многих местах были выбиты. Кое-где и рам не было. Стены были неопределенного цвета, а внизу вообще не отличались от навоза. Территория захламлена. Забор местами отсутствовал.

– Ну вот, полюбуйся на наше коровье общежитие – балагурил Руслан Николаевич. – Постояльцы то уже в поле. Трава пошла. С телятами, думаю, больше двухсот будет. Во. Какое хозяйство.

С детства привыкший к порядку, Виталий усмехнулся:

– Да в этом хозяйстве хозяином и не пахнет.

– Вот тебе и карты в руки. Берись. А я тебя сейчас с коллективом познакомлю. Вася, крикни баб.

Из бытовки вышли женщины разного возраста и трое мужчин. Один из них был теперешний заведующий. Звали его Сергеичем.

– Да он и вправду староват. Да и перегаром несет – про

себя думал Виталий.

– Опять с перепою – зыркнул Смекалов на заведующего. – Вот, знакомься, претендент на твоё место.

Приветливо оглядывая Виталия, Сергеич радостно заулыбался:

– Спаситель мой явился. Слава Богу – он почти театрально поднял руки к небу. – Ты, парень, не робей. Я тебе помогать буду. По привычке захаживать буду, и чего не знаешь, всегда обскажу. А то на полставки меня переведите. Я согласный. Сам пойми, отдохнуть мне пора, а замены нет. Пустеет деревня. Молодежи мало стало. Передать пост некому.

– Давай, дорогой, решайся – повернулся к нему директор Смекалов и, засмеявшись, добавил. – Ох, не везет нам. И этот нерешительный попался.

Виталий молчал. Он был ошеломлен. События валились, как из рога изобилия. Он попросту не успевал их осмысливать. Его глупая несдержанность в ссоре с сестрой, бегство из Москвы в эту дальнюю даль и эта попытка трудоустройства – все это было чередой необдуманных, импульсных поступков. Он понимал, что все это неправильно, что так не должно быть. Но это было. Была и эта ферма и этот директор со своими хитрыми глазами и пошловатой усмешкой, и он, стоящий перед выбором и перед людьми, как плохой ученик на экзамене. Он стоял и молчал. Со стороны казалось, думает. Но голова его была пуста, никаких особых мыслей вроде бы и не было. Чего он ждал, он не знал. Но он дождался.

Со стороны деревни к ферме медленно подходила девушка. Чем больше она приближалась, тем легче можно было разглядеть ее лицо. «Красная шапочка». Да, это была она. Все в той же куртке, только уже без берета. В руках она держала бидон и пришла видимо купить молока. Весенний легкий ветер задувал ее модную челку, обнажая милое лицо. Ее глаза были устремлены на Виталия. В них читались интерес и удивление.

Глава 3

Лида и вправду пришла за молоком. И вдруг увидела того парня, что ехал с ней в поезде. Кажется, она его еще и раньше видела. Но где? Она не помнила. Высокий, спортивный с отросшими волосами и красивыми глазами. Да, именно глаза она и запомнила. Даже не сами глаза, а взгляд. Он был какой-то грустный и даже зовущий. Увидев этот взгляд, Лиде сразу стало тревожно. Она пыталась понять эту тревогу и потому все настойчивее вглядывалась в парня. Он стоял с работниками фермы. Почему-то все молчали. Лица были озабочены. Лида подошла к своей соседке тете Насте и, показывая бидон, спросила:

– Молочка дадите?

Тетя Настя, молча, взяла бидон и, взяв девушку за руку, направилась к ферме.

– Что это у вас за сходка посреди бела дня? Вроде бы время дойки.

– Да. Доить пора. Это верно. Видишь, директор нам новое начальство сватает. Да что-то парень не очень рад новому месту. Видно нас испугался или фермы нашей. Видно, что городской и холеный. Не пойму, откуда он к нам свалился. Где его Николашка отыскал.

– А я с ним в поезде ехала. От самой Москвы – поделилась девушка.

– Стало быть, москвич – отозвалась тетя Настя, наливая молоко.

– Ага. А у вас что, своих некого ставить?

– А у Руслана Николаевича своими только те бывают, кто ему в рот смотрит, да на него работает. Мы ведь директора не потому Николашкой зовем, что у него отчество Николаевич, а потому что раньше за глаза так последнего царя звали. Наш тоже царя местного из себя строит. Да ведь и укротить то его некому. Вот что обидно. Нет теперь у нас ни порядка, ни закона. Вот Николашка и пользуется моментом. Кошелек набивает. Вот так, Лидуся. На молочко. Держи. Вечером забегу к вам. Передай маме.

Лида жила в Москве, одна в родительской квартире. Раньше они жили там все вместе. Отец был военным. Мать работала в плановом отделе автомобильного завода. Квартиру они получили сразу же после рождения дочери. Радовались как дети. Счастью не было предела. И дочь и квартира, все в один год. Мебель доставали с трудом, но квартиру обставили удобно и уютно. Гнездышко, да и только. И птенчик их род-

ной в этом гнездышке. Разве не радость. Разве не счастье. Девочку называли Лидой. Росла она без особых хлопот. Училась хорошо, родителей слушалась беспрекословно, и никто не сомневался в светлом будущем дочери. О деньгах тогда не думали. Денег было как у всех. Отец, как военный, получал по тем временам прилично. Мать тоже зарабатывала хорошо, хотя и меньше мужа. Главный предмет гордости – хорошая семья. Отношения между супругами были теплыми, любящими. Будущего никто не боялся. Счастье казалось бесконечным. Дочке они желали того же. Они думали, вот придет в их дом парень, похожий на отца молодого, и подарит их Лидочке свою любовь. И заживут они счастливо да дружно, и подарят бабушке с дедушкой внуков. С этими счастливыми ожиданиями они жили все последние годы в Москве. Годы шли, а счастливые прогнозы не сбывались. Парень не появлялся. Зато в стране начали происходить большие изменения.

Сначала умер Брежнев. Меньше чем через год похоронили его преемника Андропова. Назначенный на его место, сильно престарелый Черненко то ли от радости, то ли от страха умер почти сразу же после назначения на пост руководителя страны и коммунистической партии. Переждав череду траурных событий, и поправ соперников, в закулисной предвыборной гонке у власти оказался Горбачев. Он не задался извечным русским вопросом «что делать?», и не утрудил себя долгими раздумьями, чтобы наилучшим образом

ответить на этот вопрос. Опираясь на бесчисленные советы иностранных друзей, «искренне» радевших о процветании Советского Союза, он сходу приступил к оттачиванию ораторского мастерства. Удивлял народ длительностью и разнообразием речевых оборотов. Под шум телевизионной болтовни о «судьбоносных» переменах и необходимости «перестройки» в страну уверенно вползли голод, безденежье, незащитность, бандитский и чиновничий беспредел.

Лидин отец к этому времени был уже военным пенсионером и работал в школе учителем труда. Мать продолжала работать на заводе. Было такое впечатление, что ее работа так же, как и у других, никому не нужна. Руководители перестали следить за результатами, имея безучастный и отстраненный вид. Дисциплина сначала ослабла, а затем и вовсе пропала. А вскоре стали задерживать и выплату зарплаты.

Лидины родители относились к тому поколению людей, которые не застали ни войны, ни голода, ни разрухи послевоенных лет, ни сталинских репрессий. Все эти ужасы для них мало отличались от ужасов времен Ивана Грозного или Ярослава Мудрого. На их долю пришлось бедное детство. Как известно, дети быстро забывают плохое. В нашей стране привычным было славить светлое будущее, а не вспоминать бедное прошлое. В светлом будущем никто не сомневался. Да и что было о нем заботиться. Все было известно заранее: работающий порядочный человек с образованием и хорошей характеристикой без куска хлеба и без крыши над головой не

останется ни при каких обстоятельствах. Для таких всегда есть работа и всегда есть зарплата. Вот такие представления о жизни были у людей, когда они столкнулись с невероятным для их понимания явлением, как задержка заработной платы.

Валерий Иванович, так звали Лидинога отца, пришел однажды домой с таким выражением лица, что мать Лиды, хлопотавшая на их веселой кухоньке, по причине предстоящего ужина, даже не осмелилась сразу его спросить, что случилось. Ведь за четверть века, что прожили они вместе, ни разу она не видела своего мужа с таким лицом. Присев на краешек стула, она смотрела на него с немым вопросом. А он, поняв, что беспокоил жену, заморгал глазами и неловко заулыбался, прежде чем сообщить жене новость из их теперешней жизни.

– Леночка, а нам зарплату то не дали.

– Не дали? – обескуражено переспросила жена. – Ну, завтра дадут.

– Нет. Не дадут.

– А когда?

– Да ведь не объявили, когда.

– А что объясняют? – еще надеялась на лучшее Леночка.

– Да ничего не объясняют. Говорят, что ничего не знают.

Все вопросы к директору – бормотал Валерий Иванович.

Вопросов к директору было много. Да вот ответ был на все один – «денег нет!». Для людей, привыкших к стабильной

жизни, это было потрясением. У государства, нашего самого большого, самого сильного, самого справедливого, самого правильного в мире, а в этом были убеждены очень многие, нет денег. После первых потрясений сразу обрушилась волна вопросов и суждений: «нет денег?», «а где они?», «а куда делись?», «а почему раньше не приняли мер?», «а как же теперь быть?». Ответов не было. Зато были разговоры на работе, сплетни на лавочках, болтовня в транспорте и версии, версии, версии. Телевидение поражало смелостью и различными форм новаторствами, но ответов не давало. Жить без денег и прочих средств к существованию люди не умели. Они стали искать выход из положения каждый по-своему, еще не принимая всерьез последующих событий, и не веря в длительность сложившейся ситуации. Рассуждали просто: «ну, не дали зарплату, перехвачу у соседки взаймы, а там, зато много получу за весь прошедший период, все долги отдам». Так думали и те, кто брал взаймы и те, кто давал. Время шло. Задержки не только по зарплате, но и по выдаче пенсий стали обычным делом, распространенным по всей стране. Люди, так и не получив отработанных денег, стали переходить с одного места работы на другое в поисках лучшего. Кто-то удачно устраивался на платежеспособное предприятие. Кто-то становился безработным. Безработица – потрясение номер два. Слышали люди и раньше, что есть такое горе. Но где оно? Да там. Где-то далеко. За морем, за океаном. А попросту за границей. У капиталистов. У них, да. Это все по теле-

визору смотрели. Как же? Безработные негры, безработные арабы, да и других, бывало, показывали. Видели, видели. Но чтобы у нас. Безработица. Да что же, люди добрые, делается? Куда же правительство смотрит? Да где же справедливость на белом свете? Вот тебе и судьбоносные решения, вот тебе и перестройка.

Самый большой удар пришелся на людей старшего поколения. Они не могли, как молодежь, броситься во все тяжкие новой жизни, в которой было много и минусов и много плюсов. Не могли бросить старое, начать строить все заново, не задумываясь о последствиях. А последствия всех перемен не просто шли, не наступали, а лавиной бешеного цунами обрушивались на народ. Предприятия закрывались тысячами. Те, что работали, не платили. Люди, подъев последние запасы, оставались попросту перед угрозой голода. Так случилось и с родителями Лиды. Елена Леонидовна попала под сокращение. Попытки устроиться на новое место не принесли успеха. В новой жизни наука о планировании никому не была нужна. Планы ни у кого не укладывались в рамках. У одних они, опережая прогнозы, осуществлялись слишком быстро, у других – никак не хотели сбываться. У Валерия Ивановича ситуация складывалась иначе. Школа работала стабильно по прежнему расписанию. Это было одно из тех мест, где перемены происходили медленнее всего. Перемены эти будто кто-то поделил на хорошие и плохие. Все хорошие достались ученикам, а все плохие – учителям. Ученикам – приоб-

ретенение компьютеров, а учителям – рекордно низкая даже по тем временам заработная плата. Ученикам – отмена школьной формы, а учителям – задержка даже этой мизерной зарплаты. Ученикам – отмена нелюбимых предметов таких, как научный коммунизм, например, учителям – бесконечная головная боль, как выжить в этой ситуации, не потеряв своего достоинства.

Молодым было легче. Появилась и очень распространилась форма временного заработка. Растущие, как грибы после дождя, частные фирмы и организации с радостью брали на работу молодежь без оформления, как бы временно. Эта временность иногда длилась не только годами, но и десятилетиями. Недавно появившиеся услуги компьютеризации стали сначала желаемыми, а затем и обязательными в организации работы предприятий. Места за компьютерами занимала в основном молодежь. Это были должности более высокой оплаты. На одной из таких должностей и работала Лида. Она была ведущим бухгалтером на предприятии по выпуску одежды. На всех троих ее зарплаты не хватало. Жизнь в столице становилась все труднее. Цены росли не просто каждый день, а казалось, каждый час. Родители с ужасом понимали, что сидят на шее у дочери. И часто так бывает, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Неожиданно позвонили соседи Лидиногo дяди, родного брата Елены Леонидовны и сообщили о его внезапной кончине. Брат жил в доме их родителей в сибирском поселке.

Жил он один и в последние годы стал сильно пить, что и послужило причиной столь раннего ухода из жизни. Родителям пришлось поехать для организации захоронения. Закончив похороны, было решено дождаться девятого дня. Первые дни по приезду на родину, горем убитая, сестра только и думала о несложившейся судьбе брата и его преждевременной кончине. Супруг Елены Леонидовны, как мог, поддерживал жену. Человек он хозяйственный и работающий. Сидеть без дела не умел. Сначала он вымыл весь дом. Затем затеял перестановку мебели. После мебели пришла очередь и двор оглядеть. Тут было огромное поле деятельности. Сложить дрова как следует, скосить траву вокруг дома, по углам крапиву выдрать, поправить забор и прополоть грядки.

Огород – вот где было целое богатство. Брат Лены, не имея постоянного места работы, всегда сажал много всего в огороде, который был его основным кормильцем. Часть продуктов шла в пищу, часть – на продажу. Когда с деньгами было туго, возил он на стареньком москвиче в областной центр и картофель, и лук и капусту, а летом еще и ягоды. Да и дачники из деревни частенько делали заказы на покупку и овощей и ягод и даже яиц. Была у него и собачка по кличке Лимон, и кошечка по кличке Мотя, и курочки с петушком, и даже кролики. Все требовало внимания. Все требовало заботы. Пока Леночка страдала, вспоминая свои детские годы и жизнь с родителями и братом, Валерий Иванович все более окунался в сельскую жизнь. Сначала он радовался тому, что

все успеваает, и что все у него получается. И печку истопить, и в печке кашку да супчик женошке сварить, и утешить грустного Лимона, смотревшего на людей такими сиротливыми глазами, и накормить толстушку Мотю. Все в доме ждали его заботы и любви. Здесь он был нужен и дому, и всем живущим в доме, и даже в селе. Это было именно то, чего ему не хватало последние годы в Москве. После девятого дня жена немного успокоилась. Острота горя, сдобренная обидой на горькую судьбу брата, улеглась. На смену пришла грусть, но она уже не застила глаза слезами. Наследница, наконец, увидела то, что ей осталось от родителей и брата. Дом был кирпичный и, не смотря на уже солидный возраст, все еще очень крепкий. Вокруг дома большой двор. За домом огород. За огородом овраг. В овраге полноводный ручей с большими бучагами, в которых купались местные жители. Лена с ностальгическими воспоминаниями обошла все свое хозяйство, которое стараниями мужа выглядело вполне прилично.

«Прилично, но не хорошо» – заключила хозяйка. А надо, чтобы все было просто отлично. И принялась за дело. Там постирать, там покрасить, здесь убрать, здесь почистить. Дел хватало. Погода стояла отличная. Днем пекло яркое солнце, а по ночам частенько шел дождь. Сельская жизнь явно шла на пользу. Супруги похудели, загорели, забыли о своих хворах. Да и настроение с каждым днем все более улучшалось. Здесь не было культа денег, который в столице увеличивался с каждым днем. Их просто некуда было тратить. Не надо бы-

ло ездить на транспорте, платить за коммунальные и прочие услуги, покупать много еды. Здесь все было свое. А то, что покупалось, стоило по московским меркам просто копейки. С соседями отношения были хорошими. Ведь это были люди давно знакомые для Лены. Когда-то она здесь росла и многих знала с детства. А вечерами, сидя на завалинке или за чашкой чая в саду под огромной яблоней, ее жизнь в Москве была темой для долгих разговоров с соседями. Всем было интересно узнать, как же сложилась жизнь у старой подруги, и какова теперь столица. Напоминание о Москве возвращало супругов к вопросу, что делать с домом и когда ехать домой. Одолевали мысли о дочери. Как она там?

Лида звонила. Успокаивала родителей. Из ее ответов на вопросы выходило, что все у дочери хорошо, настроение отличное, дела идут. Уменьшение расходов даже позволило ей скопить денег на поездку в отпуск. Дочь мечтала съездить за границу. Эти разговоры наводили на мысли о перемене места жительства.

«Если нам здесь хорошо и все устраивает, зачем возвращаться в Москву, где вся жизнь из окна квартиры да по телевизору и бесконечная нехватка денег. А здесь жизнь на улице с утра до ночи. Телевизор, он есть, но об этом забываешь. А Лиде одной будет даже лучше. Пусть дочь устраивает свою жизнь. А в столицу будем ездить развеяться» – решили родители. Так решили и так жили последние годы. Они в Кукушкине. Она в Москве.

Глава 4

Виталий вдруг широко улыбнулся. Глаза его вспыхнули радостью и, повернувшись к директору, неожиданно даже для самого себя заявил:

– Дело для меня новое, но я могу попробовать, если помогать конечно будете. Если все вместе, то я согласен.

Все сразу встрепенулись, заулыбались, зашумели и стали кивать головами со словами:

– Да, конечно, вместе. Все вместе – подтверждали работники фермы. А Сергеич, сняв с головы ушанку и стукнув ею об колено, закричал:

– Ура! Вот молодец! Вот уважил старика. Да я на работу теперь с двойным удовольствием ходить буду. Ведь я таперича кто? Учитель! Учить тебя буду. А учить-то – не работать. Учить-то мы всегда мастера! Правда, бабы?

– А как же, Сергеич, не правда! Конечно, правда! Ты, Сергеич, будешь молодца учить, так подскажи ему, что за доярками тоже уход нужен, не только за коровами – смеялась одна из них.

– Ой, как нужен – подхватывала вторая.

Все смеялись. У всех было чувство облегчения и надежды на хорошие перемены. Новый заведующий вместе с директором колхоза пошли дальше осматривать хозяйство. Виталий смотрел на ферму уже не из простого любопытства, а с думами о предстоящей работе.

Осмотрели два барака: коровник и телятник. Двор, пруд

для воды, водонапорную башню, кормохранилище, загоны. Все было в плохом состоянии, все требовало ремонта и обновления. Радовало то, что впереди лето. До зимы можно многое успеть. После осмотра поехали назад в контору для оформления и разговора. Дорогой говорили уже более конкретно и оживленно. Директор рассказывал о том, что в Европе, да и во многих других странах, животноводство, особенно молочное – очень выгодное дело.

– А у нас условий еще больше для этого. Кормовая база отличная. Таких трав как у нас еще поискать. Вон, луга какие. Это ж не просто луга. Это ж корм для скотины. А ведь корма – это главное – горячился он. – А рынок сбыта какой. Да Европе и не снилось. В самых сладких снах им не видать такого рынка как у нас. А что мы имеем на самом деле? Слезы, а не прибыль. Надо все менять. Хорошо, что сейчас это возможно. Другие времена настают. Ты согласен со мной? – тормозил он собеседника. Виталий согласно кивал головой, на самом деле мало вслушиваясь в слова.

– Руслан Николаевич, давайте составим план моих дальнейших действий – предложил он.

– А как же. Это обязательно. Я вот как предлагаю. Ты, давай, пару деньков оглядись. Походи по ферме. Посоветуйся с коллективом. Нарисуй планчик сначала сам. А дальше мы с тобой более конкретно все обсудим. Сейчас у нас главное – ремонт. Пока скотина в полях, надо все обновить, а что-то и переделать. На это много сил потребуется – он почти

ласково оглядел Виталия и добавил. – Ты тут как раз такой вот молодец и нужен. Молодой. Энергичный. С напором.

Виталий находился в удивительно приподнятом состоянии духа. С одной стороны – перспективы больших дел его радовали и обещали много. С другой стороны – он был удивлен.

«Как же он решился на это? Что же с ним случилось? Да надо ли за это браться? Да уж в своем ли он уме? Городской парень, москвич, да вдруг директором животноводческой фермы. Вот так закрутило. Вот так вывела его кривая!» И тут же, словно кто-то в мозгу подсказывал: «Да не кривая это вовсе. И не прикидывайся, будто ты не знаешь, как все да почему. «Красную шапочку» ты свою увидел. Вот это и ответ. Пока искал одно, нашел и то и другое». Все встало на свои места. Если она здесь, то и он должен быть здесь. А значит, надо устраиваться, зарабатывать и делать все, что приблизит день знакомства с этой девушкой.

Директор вышел у трехэтажного дома, сказав, что через час ждет его в конторе. Они с водителем поехали дальше в поселок. Дорогой Виталий спросил водителя, не знает ли он, что за девушка приходила на ферму к тете Насте.

– Так это же ее соседка Лида. Она на майские праздники к родителям приехала. А вообще она живет в Москве – помолчав и хитро скосившись на попутчика, добавил. – Хорошая девушка!

– Хорошая девушка Лида – продекламировал Виталий из-

вестные стихи.

– Что? Что? – не понял Василий.

– Да я говорю, стихи такие есть про девушку Лиду.

Вечером хозяйка квартиры встретила своего квартиранта охами да ахами.

– Да куда ж ты подевался-то? В поселке заблудиться негде. Уж не в лес ли, думаю, пошел? Помню, природу нашу хвалил. Вдруг, думаю, решил в лесочке прогуляться? Вот там заблудиться легко. Там местные дорогу путают. Да, выйти оттуда новому человеку не просто. День прошел. Да где ты был то? А ел ли чего? Голодный, поди ж то, ходишь?

Постоялец смеялся, кивая головой.

– Да, Нина Ильинична, поесть нигде не пришлось. Да и не вспомнил про еду за весь день. Вот только сейчас подхожу к Вашему дому и чую, чем-то вкусным пахнет. Вот тут и понял, как я есть хочу.

– А у меня еще к обеду все готово было, а сейчас я уж к ужину разогреваю. Я сейчас соберу на стол, а ты, если желаешь, можешь ополоснуться. Вода горячая есть.

Виталий благодарно взглянул на женщину и отправился в ванную. Ужин был, как и накануне, простой и вкусный. Гость рассказывал хозяйке о событиях прошедшего дня. А в конце добавил:

– А ведь я совета Вашего жду. Что Вы мне скажете о затее Руслана Николаевича поставить меня главой на ферму. Может тут что-то хорошее выйти?

Рассказ Виталия очень удивил Нину Ильиничну. Она, молча, с большим вниманием, выслушала все, что было сказано. А на вопрос ответила не сразу.

– Ты, Виталя, мне откровенно скажи, так ли уж тебе необходимо здесь в нашем Кукушкине оставаться? Ты ведь из Москвы приехал. Там у тебя своя какая-то жизнь была. А здесь все по-другому. Ты, видимо, еще не понял, как велика разница. Так ли уж плохо все у тебя в Москве, чтобы здесь все с нуля начинать? Вот в чем главный вопрос.

– В Москве, конечно, хорошо, но меня лично ничто там не держит. Из родни только сестра. У нее своя семья и проблем выше крыши. В столице, знаете, тоже не все на машинах ездят, да по театрам гуляют. А сюда я приехал из-за девушки. Я ее еще в Москве увидел. Взял и поехал за ней. Чем она меня взяла, и сам не знаю, но хочу быть с ней. Сам удивляюсь, но из-за нее я в последние дни столько необдуманных решений принял, что в итоге вся жизнь перевернулась. Вот и с Вами познакомился, благодаря ей. Сидим мы с Вами, как старые знакомые или даже родственники, а ведь если бы не она, так я Вас и не узнал бы никогда. Видимо, не все так плохо. А вдруг, дальше еще лучше будет. Может это судьба меня вела в ваш поселок. Как Вы думаете?

– Так я и знала. Есть, думаю, какая-то причина – громко вскрикнула хозяйка, хлопая ладонью по столу. – А то прямо чудо какое-то. Все от нас уезжают. А такой бравый парень взял да и свалился к нам, как снег на голову. Да еще и жить

здесь собрался. Ну не чудо ли? Значит, это из-за девушки? А кто ж такая? Чья же это?

– Лидой зовут. Приехала на праздники к родителям. Больше ничего не знаю – признался Виталий.

– Лида! Так у нас одна Лида из молодых. Не модно сейчас это имя видно стало. Путать не с кем. Так она же назад в Москву уедет. А ты как же? – забеспокоилась хозяйка.

– А я останусь. Раз у нее здесь родители. Раз она хорошая дочка, то приедет еще не раз. Я с ней здесь познакомлюсь быстрее, чем дома. В Москве как из вокзала выйдет, так и растворится в толпе, как песчинка в пустыне. Там люди друг на друга внимания совсем не обращают. Мимо можно пройти и друг друга не увидеть. Суета сует. Там я песчинка никому не нужная. А здесь один день прожил, а впечатлений столько, что и за неделю не переваришь – отвечал он.

– Да, тебя уже все заметили – с довольной улыбкой сообщила хозяйка. – Бабы у крыльца спрашивают: «Нина, кто ж к тебе это приехал? Кто ж это будет?». Да, видели, что ты в контору ходил, и что с Николашкой куда-то ездил. Все спрашивают, что да как. А я ничего не отвечаю. Махну рукой да в дом. Завтра, думаю, новая атака на меня будет – она засмеялась, лукаво поглядывая на постояльца. – Ну, советуй, что мне говорить.

– А я Руслану Николаевичу сказал, что я Ваш племянник. Племянники они же разные бывают. И двоюродные, и внучатые, и еще какие-нибудь, думаю. Вот я и сказал.

– Ого, как ты быстро вопрос решил – хозяйке явно нравилось интриговать соседок. – Ну, можно и чайку попить. Ты сегодня что-то с лица сник. Устал видно. А у меня такой чаек вкусный. На земляничном листу да с ягодами. А я сейчас еще одной травки добавлю. Для сил. Надо тебе, племяш, поспать как следует. Завтра опять на ферму пойдешь, надо быть бодрым. С людьми ты познакомился. А вот коровки с телятками своего нового босса еще не видели. У тебя завтра, считай, презентация – хихикала женщина.

– Не знал я, Нина Ильинична, что у вас в поселке такие юморные пенсионерки водятся и выражаются как в столице.

– Я тебе теперь тетя Нина. Не забывай, что мы родня, это во-первых. А во-вторых, теперь у нас одно образование, что в столице, что на самом захудалом хуторе. Понял какое? – шутила хозяйка, ставя на стол варенье и конфеты, и разливая ароматный чай.

– Нет. Что же это за образование такое?

Нина Ильинична взяла в руки пульт от телевизора, и через секунду загорелся экран.

– А теперь?

– Что теперь?

– Теперь понял? – махнула она в сторону телевизора. – Вот, чем не образование. Диплома, конечно, не выдадут, а вот где и как выражаться научат. Разве не так? И всему другому, чему бы сам сто лет не догадался, тоже научат. Хорошо, когда это другое на пользу. А то частенько и во вред.

Особенно тем, у кого головка слабенькая, да умишко маленький. Так что не удивляйся, что вся страна говорит одним языком.

Утром Виталий проснулся от грозного голоса хозяйки, которая сердито с кем-то разговаривала, и странного непонятного пищания. В комнате из-за приоткрытого окна было очень свежо. Пахло чем-то сладким и горьким одновременно. Вставать было неохота. Виталий всегда любил полениться, и старые привычки не желали придавать значения новым условиям жизни. Их и здесь все устраивало. И теплая постель, и свежий воздух, и этот дурмящий запах распускающихся деревьев, и уютное бормотание хозяйки за дверью. «Да, повезло мне с выбором квартиры – думал он. – Надо эту женщину на станции при случае как-то отблагодарить. Это с ее легкой руки я оказался здесь. Нина Ильинична видно устала от одиночества, вот поэтому мне и рада. Ну и хорошо, если так. Да с кем же она разговаривает в такой час?»

Он встал, быстро оделся и приоткрыл дверь в кухню. Там хозяйка громко ворчала на здоровенного серого кота, который крутился у ее ног, и время от времени цеплял ее лапой за подол халата с писклявым мяуканьем.

– На, обормот, на – поставила она миску с молоком на пол. Кот так быстро сунул свою усатую морду в миску, что хозяйка не успела убрать руку. Часть молока пролилась на пол. – Ух, паразит. Шлялка-гулялка. Три дня, шпана кошачья, шлялся неизвестно где, а теперь ему есть подавай сроч-

но. Терпеть он не может. Голодный он, видите ли – с улыбкой на устах и умилением в глазах ворчала хозяйка, глядя на своего питомца. По всему было видно, что кот умеет из нее веревки вить. Увидев Виталия, она кивнула ему вместо приветствия и, смеясь, представила:

– Вот, знакомься. Мой кот – Элвис.

– Еще один результат телевизионного влияния? – тоже не здороваясь, перешел к разговору парень.

– Да, так и есть.

Тем временем кот с удивительной скоростью вылакал молоко и сидел, облизывая свои щеки и бороду. Огромными оранжевыми глазами, круглыми словно пуговицы, он смотрел на нового жильца.

Быстро позавтракав и одевшись, Виталий отправился на ферму. Начинать свою новую трудовую деятельность. Добираться пришлось пешком. Он шел берегом реки. В это время года она была очень полноводной. Вода, бурая на вид, стремительно неслась между заросшими берегами. Нежная листва только что проклюнулась на большинстве деревьев, но были и такие, у которых листьев еще не было. Зато черемуха уже цвела. Было еще много. Каждое деревце выделялось по-особому. Каждое было прекрасно своей чистотой и пышностью. Виталию хотелось остановиться и рассматривать каждую веточку, каждый цветок. Он сорвал маленькую кисточку и, поднеся ее к лицу, вдохнул аромат этого чуда природы, такого знакомого и каждый раз такого восхити-

тельно прекрасного. С веточкой в руках он вошел в подлесок и, повинувшись изгибам дорожки, шел дальше. Во многих местах то желтели, то синели какие-то неизвестные ему цветы, росшие тут в изобилии. Он, давно не бывавший в лесу и как-то не очень придававший значение природе, сейчас был просто ошеломлен представшей перед его глазами красотой. После серой и мокрой Москвы он увидел столько красок и столько солнца, как не видел давно.

– Э, нет, не расплывайся в восторгах и благодущии. У тебя сегодня дела. Дела – еще раз твердо повторил он уже вслух и, отбросив сорванную веточку, решительно направился дальше.

Было как раз около восьми часов утра, когда он подходил к ферме. Коровы уже паслись в соседнем подлеске. На ферме доярки, вместе с Сергеичем, разгружали машину с комбикормом. Увидев Виталия, все заулыбались, хлопая друг друга по плечу.

– Хлопец-то наш не передумал. А мы уж гадаем, придет, аль нет – вместо приветствия хохмили доярки.

Новый директор тут же взялся помогать. Закончив разгрузку, все разбрелись по своим местам. Сергеич с Виталием, присев на скамейку у входа, завели разговор о предстоящей работе.

– Вот, что я тебе скажу – начал старик. – Ремонт надо начинать срочно. Если промедлим и не успеем за лето, то всему делу хана. – Он скрестил руки перед лицом, изображая

крест. – В коровнике ремонта еще ни разу не было. Здание ведь не старое, но как запущено все, ты сам видишь. Ленту транспортёрную для подачи кормов менять надо. Доильные аппараты уже все переделанные, да и их-то осталось чуть. Ну и о кормах надо думать. Когда трава поспеет, думать уже будет поздно.

Виталий вынул из кармана ручку с блокнотом, и они пошли по ферме фиксировать все, что надо сделать.

Глава 5

Тетя Настя возилась на огороде с грядками. Заметив соседскую дочку, сидящую на крыльце, подошла к забору поздороваться.

– Лидочка! Добрый день. Что это ты на крыльце сидишь?

– Ой, тетя Настя! Здравствуйте. А я Вас и не вижу. Да хочу, чтоб лицо немного загорело. Вот и сижу на солнце с закрытыми глазами. Вон, солнышко какое сегодня. В Москве у нас так пасмурно последние дни было, а сюда приехала, здесь погода хорошая. На работу вернусь, где я там солнце увижу. Из дома в транспорт. Из транспорта на работу. И обратно также. А по вечерам какое солнце? Разве что в выходные повезет.

– А ты к нам приезжай. Здесь погод всяких хватает. И хороших и плохих. Вот к нам заведующим устроился парень. Тоже москвич. Не знаю, что у него там дома было, но видно, что парень хороший и на вид симпатичный. Да ты ж его

видела, когда к нам вчера за молоком приходила. Помнишь, высокий такой с Николашкой стоял.

– Так он у вас работать будет? Вместо Сергеича? Вот так дела – лицо девушки заметно оживилось. Она забыла о том, что загорает, и повернулась к тете Насте. – Да я же с ним из дома вместе ехала в одном вагоне.

– А, так вы уже познакомились?

– Да нет. Не знакомились мы. Просто рядом ехали – досадовала Лида на торопливость соседки. – На вид он действительно не плохой.

– Ха, не плохой! Да красавец парень. А ты, не плохой. Таких еще поискать надо. И сразу видно – жентельмен.

– Кто-кто? – засмеялась Лида.

– Жентельмен, говорю. Вы, говорит, тетя Настя, зачем такое тяжелое поднимаете. Вам такие тяжести нельзя. Пожалел он меня – растроганно рассказывала женщина. – А кому можно – я его спрашиваю. Здесь одни бабы да старики. Спасибо за заботу. Только у нас вся работа на бабах держится. А куда ж, говорит, ваши мужья подевались? Как куда? Да поумирали. Кто утонул. Кто на машине разбился. А многие просто спились. А молодежь вся в городе. Вот на выходные да на праздники съезжаются. А потом опять в город. Так-то вот, говорю я ему.

– Значит, он у вас начальником будет? Это хорошо. С новым человеком всегда новые изменения бывают. И, наверное, к лучшему.

– Дай Бог. Дай Бог – запричитала соседка, возвращаясь к своим грядкам.

Лида, сидя на крыльце, снова повернула свое лицо к солнцу. Ветерок нежно обдувал ее, и потому теплота солнечных лучей чувствовалась очень слабо. Лида закрыла глаза, и тут же в воспоминаниях появился тот, о ком только что говорили. «А он и вправду симпатичный. Что же я не спросила, как его зовут – опомнилась она. – И почему он здесь хочет остаться?» – пыталась она найти ответ, нежась на весеннем солнце.

Глава 6

Руслан Николаевич принимал почетного гостя. В своем благоухающем зеленом цветочном кабинете, он радостно хлопотал, подвигая стул полному лысому человеку небольшого роста с блеклыми бесцветными глазами. Слегка кривоватый рот и приподнятая бровь придавали лицу выражение то ли безразличия, то ли надменности. Это был глава районной милиции Эдуард Петрович Скоротечко.

– Рад. Очень рад – подобострастно, заглядывая в глаза, повторял Руслан Николаевич. – Вот сюда, дорогой. Вот сюда. Присаживайся. Расскажи, с каким ветром к нам. Был недавно и вот снова навестил нас.

Лесть была такой явной и наигранной, что гость не смог отказать себе в удовольствии проиронизировать.

– Хоть Смекалов ты, хоть нет, хоть Николаевичем назо-

вись, хоть еще как, а нутро свое южное не спрячешь. Лесть у вас в крови. А здесь этого не понимают и не любят. Так что не старайся.

– Какая лесть? Что ты, дорогой? О чем говоришь? Все искренне! Все правдиво! – оправдывался хозяин.

– Верю, верю. Сам – болтун – засмеялся лысый. – А приехал я по сигналу. Да, был недавно, и ехать снова не собирался. Незачем было. А теперь появилась причина, и вопросы к тебе появились. Компаньон! – в голосе гостя зазвенел металл, а глаза неподвижно замерли на лице собеседника. – Слышал я, ты начальство новое на ферму поставил. А как же наши с тобой планы по приватизации этого объекта? Не будет ли это для нас нежелательным или даже отрицательным обстоятельством? А? Со мной не посоветовался и даже не сообщил!

Смекалов начал ерзать на стуле с самого начала, теперь даже привстал, опершись руками на стол.

– Не успел я сообщить. Планов у меня много, но все планы в наших с Вами интересах. Ферму приватизировать будем обязательно. Как только возможность появится, но ведь надо подумать и о том, что нам достанется. Уж больно в плохом состоянии она сейчас находится. Я думал об этом. И давно уж хотел думы эти в жизнь воплотить, но не было у меня возможности. Не все винтики в наличии имелись. Не хватает одного. Вот парень этот, что я на ферму беру, и будет тем последним винтиком, чтобы наши с Вами планы могли ис-

полниться.

– Ну, ну, давай расскажи про свои махинации – смягчил тон Скоротечко.

– Что Вы говорите? Какие махинации. Все на пользу. Вот увидите, как все просто и хорошо будет выходить. Ведь у нас приватизацию проводят как? По остаточной стоимости. Что на балансе есть, то и ставят как начальную цену. Для оценки стоимости объекта на место не всегда выезжают. Все по бумагам. Вот нам и надо добиться, чтобы все решения были приняты в районе, без выезда на место. Если уж кому-то из комиссии захочется прокатиться до нас, так ведь у нас на этот случай в Вашем лице надежный помощник есть. Вы ведь сможете подсказать кому надо об излишности этой поездки. Так?

– Ну, так – процедил гость сквозь зубы. Кривизна плотно сжатых губ говорила о явном недовольстве тем, что какой-то тут умник поучать его надумал.

– Так вот, это и есть самый главный момент в нашем вопросе. Приватизировать надо тихо. Без огласки. Просто по бумагам. Это залог успеха на первом этапе. А теперь второй вопрос. Уж в очень плохом состоянии тот объект, который мы брать хотим. Почти развалюха.

– Как развалюха? Ты что, совсем переумничал? Ферме и двух десятков лет нет. Какая развалюха?

– Да, стены крепкие и крыша хорошая. Не везде, но в основном – убедительно подхватил Смекалов. – Да и только. А

остальное? Остальное все попортилось. Устарело. И сколько же нам с Вами денежек надо будет внести, чтобы этот объект, когда он будет нашим, довести до такого состояния, чтобы он давал приличную прибыль? Ох, сколько денежек! – сокрушенно замотал головой Руслан Николаевич. Глаза Эдуарда Петровича смягчились и поникли. Лицо подернулось выражением заботы.

– Ну и что ты там придумал? – вяло спросил он.

– Ох, Эдуард Петрович, умный Вы человек. Все видите. Все знаете. Вот сходу угадал, что Ваш верный друг ночи не спит, все думает, как сделать так, чтобы у нас с Вами было больше денег и меньше хлопот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.